
Научная статья

УДК 398.22

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-147-157

ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА В ЭПОСЕ АДЫГОВ

Лиана Славовна Хагожеева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, liana1771@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© Л.С. Хагожеева, 2022

Аннотация. В статье анализируется характер отражения символики чисел в их взаимодействии с архаическими элементами повествования в историко-героическом эпосе. Устанавливается, что обозначения числа имеют глубокую сакральную мифологическую основу и объективируют специфику этнического сознания.

Во всех жанрах фольклора мифологические корни сохраняются, однако каждому из них присуще наделить символ индивидуальным смыслом. Так, говоря об эпическом значении числа, следует учитывать ее жанровую специфику, так как главное назначение числовой символики в эпосе – отражение силы и мощи адыгского воина.

В адыгском историко-героическом эпосе числа: 7, 3 и производные числа 3–6, 9, 12, а также 100, 1000 и 3000, как число 3, в значении множественности и преувеличения, справедливо отнести к положительно маркированным. Семантическое значение символики указанных чисел в позиции героя и в позиции противника направлено на реализацию главной цели народного эпоса – выделение и возвышение образа главного героя. Таким образом, символы числа в системе художественных образов оказываются одним из способов выражения нравственного этнического сознания.

Исследование художественных средств и приемов в соотношении с их мифопоэтической основой и системой этических норм и установок, существовавшей в традиционном адыгском обществе, является актуальным для комплексного изучения фольклора. В этом заключается новизна данного исследования. Анализ осуществляется методом сравнительного анализа. Результаты исследования свидетельствуют о выраженной специфичности символа числа в адыгском историко-героическом эпосе.

Ключевые слова: мифологические представления, народный эпос, художественная система, символ, знаки, числа

Для цитирования: Хагожеева Л.С. Числовая символика в эпосе адыгов // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 147–157. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-147-157

Original article

NUMERICAL SYMBOLISM IN THE EPIC OF THE CIRCASSIANS

Liana S. Khagozheeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, liana1771@mail.ru., <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© L.S. Khagozheeva, 2022

Abstract. The article analyzes the nature of the reflection of the symbolism of numbers in their interaction with the archaic elements of the narrative in the historical and

heroic epic, it is established that the designations of the number have a deep sacred mythological basis and objectify the specifics of ethnic consciousness.

In all genres of folklore, mythological roots are preserved, but each of them is inherent in endowing the symbol with individual meaning. So, speaking about the epic meaning of a number, one should take into account its genre specificity, since the main purpose of numerical symbolism in the epic is a reflection of the strength and power of the Adyghe warrior.

In the Adyghe historical-heroic epic, the numbers: 7, 3 and derivative numbers 3–6, 9, 12, as well as 100, 1000 and 3000, as the number 3, in the sense of plurality and exaggeration, can rightly be attributed to positively marked ones. The semantic meaning of the symbolism of these numbers in the position of the hero and in the position of the enemy is aimed at realizing the main goal of the folk epic – highlighting and exalting the image of the main character. Thus, the symbols of number in the system of artistic images turn out to be one of the ways of expressing moral ethnic consciousness.

The study of artistic means and techniques in relation to their mythopoetic basis and the system of ethical norms and attitudes that existed in the traditional Adyghe society is relevant for a comprehensive study of folklore. This is the novelty of this study. The analysis is carried out by the method of comparative analysis. The results of the study testify to the pronounced specificity of the number symbol in the Adyghe historical and heroic epic.

Keywords: mythological representations, folk epic, artistic system, symbol, signs, numbers

For citation: Khagozheeva L.S. Numerical symbolism in the epic of the Circassians. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-2 (55): 147–157. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-147-157

Как известно, использование чисел в фольклорном тексте несет символический характер. В существующих научных исследованиях по данной теме анализ проводится чаще всего на основе малых жанров фольклора, сказочной прозы и героического эпоса. Мы же сделали попытку исследовать характер отражения символики числа в историко-героических песнях и преданиях. В этом и заключается новизна данной работы.

Согласно проведенному сравнительному анализу в исследуемом жанре наиболее употребительны числа первой десятки: 1, 2, 3, 6, 7, 9, а также числа 12, 100 и 1000, иногда 3000. Среди них особо выделяется число три. В связи с тем, что число 3 и ее производные обозначают схожее символическое значение, мы посчитали справедливым объединить их в одной работе. Эпические числа, самостоятельные от данной числовой символики, мы намерены представить в отдельном исследовании.

Итак, число три (*цы*) во многих культурах является самым популярным, оно чаще других ассоциируется с силой и могуществом. Данное число представляет собой первое, совершенное сильное число, поскольку при его разделении сохраняется центр (центральная точка равновесия). В целом, анализируемое число носит благоприятный посыл. В христианской и европейской культурах число 3 символизирует «полноту», «завершенность» [Мифы... I 1980: Мифы... II 1982]. Г.А. Мурад так же отмечает, что и в адыгской (адыгейской) культуре оно также используется для обозначения полноты, завершенности, последовательности. Можно предположить, что такая распространенная характеристика обусловлена наличием как бы начала, середины и конца [Мурад 2015: 66].

Углубляясь в изучение значения числа 3, как уже отмечено многими учеными, можно проследить взаимосвязь трёхмерности окружающих нас вещей. В природе одним из примеров этого является троичность фаз Луны (растущая, полная, убывающая). Оно аналогично разделению времени на три стадии – прошлое, настоящее и будущее. Также само существо человека во многих философских и религиозных учениях состоит из трех частей (тело, душа и дух). Жизненный цикл человека тоже можно разделить на три – рождение, жизнь и смерть. Идея трёхмерности в религиозных учениях также проявляется в разделении верхнего мира (небо), среднего мира (земля) и нижнего – воду. Характерна и трехмерность пространства (длина-ширина, высота).

Сакральная семантика числа три ярко выражена и в древней адыгской культуре. В обрядовой поэзии троекратные повторы действий и ритуалов играют важную магическую роль. Существует немало примет, суеверий и верований, связанных с числом три. Троичность имеет немаловажное значение и в фольклоре народа. В сказках и нартском эпосе троекратные повторы действий и времени используются для того, чтобы показать многократность действий или длительность происходящего времени, для акцента на важную мысль произведения. Данное значение символа в рамках историко-героического эпоса связано с отображением силы того или иного героя в формате отображения изменения пространства. Так, например, мощь силачей-пелуанов в народной песне подчеркивается образом деревянной ограды в три пояса, т.е. невероятно высокого ограждения для их состязания. Таким образом, троекратное увеличение размера ограждения – это многократное увеличение силы пелуанов:

(Уэр) *пхъэшыхъуурэ (уа-а) пхъэщакъуи <...>*

(уэр) *гуащIэвыжъитIри ирешэ... –*

(Уар) в деревянную ограду (уа-а) в три пояса <...>

(уар) обоих могучих волов [Хатокшоко] заводит...

[НПИНА III-2 1990: 356, 358]

Герой исторической песни Шаджамоко Хасанш заставил своего коня «земли три пласта копытами взметнуть» [НПИНА III-1 1986: 129, 132]. Как мы понимаем, и в данном примере указание трехкратного объема есть усиление героического образа героя.

Точно также употребление числа три в отображении времени становится гипербололизацией могущества героя:

(Уэр) *кIуэжынкIэрэ (рэ) шу цхъэхуиту (уи)*

машицкIэ мэзауэ! –

(Уар) хотя уйти (ра) этот всадник был волен (уи),

три месяца сражается! [АПВКВ 2014: 193, 196].

Как видим, в отражении могущественности и героизма адыгского воина используется символика числа три в значении «много». Связано это с архаической традицией, согласно которой в сознании древнего человека дальше трех счет не выходил, поэтому оно имело значение множественности. А «много», как утверждает В.Я. Пропп, означает «сильно» «очень» [Пропп 1986: 96]. На последней стадии эволюции сознания это число обрело символическое значение множественности. Вот почему трудность препятствия выражается через число три. Как известно, для того, чтобы победа героя представилась яркой, герой должен был одолеть достойного противника. Именно поэтому в эпосе применяется прием гипербололизации образа врага, порою многократно превосходящего героя. И, так как число три имеет символическое значение множественности, иногда это может обозначать не только несравнимую силу, но и численное превосходство противника:

Фочауищым бзаджэурэ къызэдагъэспри (уай) къыздоуэр. –

Три стрелка коварно ружья наводят и (уай) разом стреляют
[НПИНА III-2 1990: 469, 464].

Дзэ фIыцIэжъурэ (уой дуней) къызэприимэ, <...>

(ар) *дзэцхъищкIэрэ (уой дуней) зынаузэщIри... –*

Войско черное (уой дуней), что переправляют, <...>

(ар) в три головы (уой дуней) разворачивается... [НПИНА III-1 1986: 43]

А еще чтобы усилить превосходство противника, необходимо усилить способ и затраты сил на его преодоление:

*Адэмыгъоми мэфэ ре(о)ныщы гуцэми <...>
шышлушц(ы) гуцэри кыыкIареггэлIы... –*

(Ада), о горе, за три дня долгих (гуша) <...>
трех добрых коней под тобой убили [АПВКВ 2014: 290, 293].

При использовании символики числа три для усиления восприятия применяется и другой прием. Как показал анализ историко-героических песен, это увеличение значения множественности числа три за счет производных от нее. В эпосе адыгов из них выделяются такие числа как 6, 9 и 12. Все они кратны к трем. Данный прием весьма ярко отражает песня «Бжедугские всадники». Усложнение получения положительного результата в противостоянии с врагом втроекратно увеличивается за счет производного от тройки числа шесть (хы):

*Чэц-мэфихым замыггэпсэфэу
Бжэдыггэу шыухэр кыызэдэзаох ... –*

Шесть ночей и дней не зная роздыха,
Бжедугские всадники сражаются ... [АПВКВ 2014: 552, 553]

А в «Песне Багирсея» («Баггырсей и уэрэд») присутствует использование числительного 9 (бгъу) в качестве утроенной триады:

(Уэр) шэ бгъурыбгъушц гуцэри трекIутэ (уой) ... –

(Уар) стрел три раза по девять (гуша) на нее бросает (уой) ...
[НПИНА III-2 1990: 410, 412].

В данном случае использование такого конкретного числа, где три и утроенная триада взаимопроникают друг в друга, показывает, насколько Багирсей неуклонен в защите своего помощника.

Глубокий сакральный смысл число девять получает и в песне «Сетования Боры Могучего» («Борэжъ и тхъзусыхэ»). В данном случае, девятка получает негативное выражение в результате ее союза с числом два:

*Си шIакIуэ цхъуантIэри соубгъур, <...>
(аиейккэ) шэ бгъуры(уэ)бгъуитI гуцэри т ызоккутэ (рэ-ий) ... –*

Свою бурку серую расстилаю, <...>
(аиейка) стрел по девять дважды (гуша) на нее бросаю (ра-ией) ...
[НПИНА III-2 1990: 346, 347]

Выраженную символичность число девять приобретает и в песне «Сетования Куалы Созарихи» («Къуалэ Созэрыхэ и тхъзусыхэ»), где указывается количество сломанных ребер героя: «<...> ребер девять ему ломает» («<...> джажэналъибгъури хиудккэ!») [НПИНА III-2 1990: 356–359]. Стоит заметить, что в эпосе адыгов количество сломанных ребер у героя или его противника, а также количество сломанных ребер их коней, насчитывает именно девять. Это говорит о том, что число девять обладает усиленным сакральным магическим содержанием. Отмеченное данным числом – будь это человек, живой или неживой предмет – не подвержено порче, девять – символ неуничтожаемой материи. Возможно, это верование утвердилось потому, что сумма цифр любого числа, кратного девяти, дает девятку [Мифы... I 1980: Мифы... II 1982]. Полагаем, что именно в этой связи, как заметила М.Р. Хежева, данное число являлось средством воздействия на сверхъестественные силы. Отсюда и многократное использование данного числа в языке хохов и числовых текстах, где герой встречается на своем пути нечистую силу или снежного человека [Хежева 2017: 89]. Такое употребление числа девять встречается и в нартских сказаниях. Так, например, Сосуко и Всадник Одноглазый сражаются девять дней, друг другу наносят по девять ран [Нарты 2012: 275, 283]. Магическое значение девятки и ее связь с потусторонним миром можно обнаружить и

в следующем примере. В свой первый выезд на хасу, юный Сосруко показал свою удаль, играя на Тхожее:

*Щыблэр бибгъум еуэу,
Зэуэр нылуригъэдзу ... –*

Так, что молния девятикратно ударяла,

Так, что те, кого он ударял, отскакивали... [Нарты 2012: 215, 220].

Можно полагать, что это знак о неземной сверхъестественной природе героя. Стоит заметить, что дополнительный сакральный смысл вносит удар молнии, который, как мы знаем, в древнем представлении адыгов считался сакральным.

Следующее число, производное от числа три – двенадцать (*пцыкIутI*). В фольклоре адыгов оно является гораздо менее употребительным, однако в эпосе проявляет весьма явное вложение сакрального, магического смысла с положительным посылом. Стоит заметить, что в историко-героической песне это число, как и другие, производные от числа три, выражает ее символическую идею, которая подкрепляется самостоятельным смысловым значением магической силы добра. В связи с этим, как было отмечено выше, в фольклоре многих народов, всадников-борцов за справедливость насчитывается ровно двенадцать. В адыгском эпосе встречаются художественное изображение компаний с символическим числом двенадцать. Так, в одном из героических сказаний, двенадцать доблестных всадников во главе с Жабаги Казанок отправляются в Крым, чтобы поставить конец самовольному поведению крымского ханства и привести обратно похищенных из года в год соратников. Далее повествование описывает решительное наступление и добывание поставленной цели компании [ФАИГИКБНЦРАН. Кол. 668. Ф. 5. Кас. 272]. Таким образом, названная группа из двенадцати всадников представляет яркий пример символичности числа двенадцать. В силу подобных представлений, народное сознание обозначает героя исторической песни Сагида Ханахова как предводителя двенадцати человек [АПВКВ 2014: 392, 394].

Преисполнены символическим значением и образ газырей эпического героя, заряженная часть которых составляет двенадцать. Как было замечено ранее М.Р. Хежевой, не случайно, что именно данный атрибут, олицетворяющий адыгского воина, связан с конкретным числом двенадцать [Хежева 2017: 82]. Данный прием можно понимать как знаковое указание на магическую силу добра. А то, что число двенадцать составляет именно заряженную часть патронов, выражает полную готовность к бою и могущественную природу его обладателя. В этой связи в народной песне дается художественное описание газырей героя. Это еще один прием для возвышения образа славного героя:

*Санейуэ хъэзыр пцыкIутIыр
Гыныпсым кыфIеугъэфIыцI ... –*

Из виноградной лозы двенадцать газырей

Порохом очерняются ... [АПВКВ 2014: 457, 459] – имеется в виду, что воин применил их в бою.

В силу того, что образ газырей адыгской черкески в эпосе носит символический характер, иногда, в песне указывается и число 16 (*пцыкIух*) – общее количество газырей. А для усиления эффекта полной решимости и готовности к бою, отражается именно 16 или 20 заряженных газырей. Такое описание получает символическое наполнение за счет того, что указывается, что заряжены все до единого газыри, притом, как в мирное время четыре из них обычно остаются не заряженными. Описание же 20 патронов – художественное превышение числа газырей черкески. Оба варианта – сознательное преувеличение мощи самого героя и затраченных им усилий для достижения успеха в бою:

*Хьэзырыбгъэу зэ҃лӱл тцыкӱхыр
Уэрамыпэм щатыреухэр. –*

Шестнадцать газырей заряженных, что на груди черкески,
У начала улицы [т. е. на подступах к селу]
<на врагов> опорожняет [АПВКВ 2014: 425, 427].

Заряженные мои двадцать газырей
В ружье одном я опорожняю... [АПВКВ 2014: 420, 421]

Анализ историко-героического эпоса показал, что число три, так же, как и в фольклоре многих народов у адыгов – одно из самых положительных чисел. Как явствует из жизненного опыта и результатов научных исследований в области числовой символики, содержание формулы «третий раз – удачный» типологично. Так, в фольклоре многих народов, чтобы добиться удачного результата нужно пройти три испытания или три попытки, из которых именно третья чаще всего становится удачной. Троекратный повтор встречается в эпосе адыгов довольно часто. Симптоматично, что в случае, когда речь идет о трагическом исходе роковым оказывается четвертая попытка. В шапсугской версии песни «Сетования Бора Могучего» («*Борэжыы итхъэусых*») число четыре получает судьбоносный смысл: герою песни назначают встречу, тот пропускает троих встречных, но именно в четвертый раз Бора стреляет и убивает своего единственного сына. Стоит предположить, что здесь имеется в виду то, что пропущен «третий – удачный раз» и следующее за ним оказывается для него фатальным [НПИНА III-2 1990: 348, 351].

Таким образом, число 3 используется в историко-героических песнях и как обозначение множественности, и как отображение мощи героя или его противника, а также троекратные повторы, как было отмечено ранее М.Р. Хежевой, символизируют сложность достижения победы или цели [Хежева 2017: 71]. А употребление его производных чисел 6, 9, 12 усиливают в текстах народной песни символическое значение тройки, поддерживая идею множественности. Помимо этого, число 9 (т.е. 3²) может содержать идею сверхъестественной связи с потусторонним миром. Такое употребление числа девять в характеристике героев дает положительную интерпретацию и выделяет из среды остальных, обычных людей.

Число семь (*блы*), специалисты числовой семантики, также относят к производным от числа три. Как и число три, семерка носит глубокий положительный смысл и является одним из самых сакральных чисел [Мифы... I 1980: Мифы... II 1982]. При исследовании символизма чисел в той или иной культуре наиболее часто используются методы анализа и сравнения. Не одажды многие исследователи приходили к выводу о том, что число семь обладает священным, божественным и магическим потенциалом в системе традиционных верований разных народов. В адыгской культуре его выделяют как особенное, здесь оно имеет огромное значение как в мифологических представлениях и религии, так и в лингвокультурологии. Сравнительный анализ различных произведений фольклора позволяет сделать вывод о том, что оно является одним из числительных, наиболее часто встречающихся в разных жанрах устного народного творчества. В этом направлении есть много замечательных работ, в частности, исследования З.Ж. Кудяевой [Кудяева 1986] и М.Р. Хежевой [Хежева 2017], на которые мы опирались в своем анализе. Поэтому, во избежание повторений, хотим опустить оценку символики числа семь в лингвокультурологической и мифоэтической системе адыгой культуры.

Символику числа семь в нартском эпосе М.Р. Хежева видит в надежности, преодолении трудностей, достижении благой цели и считает, что она обладает функцией гиперболизации [Хежева 2017: 88]. Соглашаясь с ней, хотелось бы указать еще на одну важную функцию семерки. Опираясь на исследования Н.В. Топорова [Топоров 1995], З.Ж. Кудяева сделала вывод, что, функция числа семь

состоит, согласно народным верованиям, еще в сакральности данного числа. Оно выступает как бы в роли медиатора между героем и деструктивными силами, способного умиловить их [Кудаева 1986]. Особенно ярко это выражено в малых жанрах фольклора. Находит оно свое выражение и в нартском эпосе и в анализируемом жанре фольклора. Одним из таких примеров в нартском эпосе выступает сказание о Тлепше и Худыме. Хурдым:

*Уадэр кЪыщым кЪыщИхаш,
Блэ щИуупскIэри щИутIытщым
Пишщэм я щхъэщыгу нридзэщ.
Лъэта уадэм пшэр зэИухуу
Иуащхъэ щиблым ныщхъэщыкIу,
Щыналъиблми къикIыжщ,
Псиблми псыницIэу къепкIэжри
Лъэщц и лъапэм щIэхуэжаш [Нартхэр 1995: 351]. –*

Вышел с молотом из кузни
И, семижды размахнувшись,
Кинул молот в поднебесье
Молот молнией летучей
Снова тучи рассекает
Пролетев единым мигом
Над семьяста холмами,
Семь краёв земли цветущих,
Семь бегущих рек минуя,
Рухнул к Тлепшевым ногам [Нарты 2007: 528]

Так, символика числа семь указывает на необычную природу молота, а значит, указывает на мощную сверхъестественную силу Худима, который в кузнечном деле не уступал знаменитому Тлепшу.

В историко-героическом эпосе священное магическое значение числа семь служит для выделения и возвышение героя. Примером здесь может быть «Песня о Хатхе Кочасе» («Хъэтхым и къуэкIасэм и уэрэд»):

Сэ фочгуэрэ сIыгъыр (атIэ) (ар) бэрэжъеиблкIэрэ псыхъакъэ –

Ружье, что я держу, семь сред (среда – день недели) закаливали [НПИНА III-1 1986: 158, 160]. В данном случае подразумевается, что процесс закаливания занял семь недель, что в свою очередь обуславливает вероятность вложения божественного смысла в указанный предмет. И, так как характеристика атрибута героя есть отражение его обладателя, это ружье указывает на сверхъестественную природу своего хозяина. Согласно специфике анализируемого жанра, это объективация могущественности адыгского воина. Таким образом, это художественный прием возвышения эпического героя.

В свою очередь, семь ран, полученных в сражении, обретают явную магическую окраску [АПВКВ 2014: 180]. В данном случае этим манифестируется святость героя и здесь оно используется для выделения его превосходства над остальными.

Сознательное увеличение значений каких-либо ситуаций, качеств или действий героя есть ни что иное как, сознательное увеличение значения самого героя. Как пишет М.Р. Хежева, число семь в кабардино-черкесском языке используется для выражения эмоциональной экспрессивности и усиления значения. В подтверждение сказанному она приводит примеры из нартского эпоса [Хежева 2017: 58]. Подобное наблюдается и в историко-героическом эпосе, например, для усиления трагизма. По преданию, Бора Могучий, узнав о том, что он убил своего сына, не узнав его, пришел в отчаяние и решил наказать себя. Он велел вырыть глубокую яму и свалить туда семь возов колючей облепихи. Сам он разделся и

залез туда, чтобы умереть мучительной смертью [Гутов 2021: 100–108]. В «Песне о Кулькужинской битве» поется:

(Айра) я [жылэм] гъуэг макъмэ <...> (а) арыкъыщхьыблыркъэ (тIэ) тречри! –
(Айра) их [селения] плача гул <...> (а) семи холмов вершины (та) сбивает!
[НПИНА III-1 1986: 208, 209]

С подобным усилением может выступать и временной показатель. В таких случаях число семь усиливает значение длительности времени, что в свою очередь указывает на героизм и выносливость героя. Так прославляется образ одного из участников сражения в песне «Ночное нападение»:

Зи жьыщхьэ мазиблы зауэм хэмыкI... –

На старости лет безотлучно семь месяцев воюет... [АПВКВ 2014: 93, 95]

В другой песне поется, что « <...> у хуары могучей (гуша) зубы с ямочками были (ией), семь месяцев седло с нее не снимают» (<...> хуарэжь гуцэмэ и дзэкур гъуанэти (ией), мазиблIэри уанэ темыхт) [НПИНА III-1 1986: 177, 178]. Как указывают составители данной книги, зубы с ямочками – признак молодой, сильной лошади. Таким образом, в историко-героическом эпосе усиление значения акцентирует увеличение силы героя. В связи с этим, отражение образа могучего героя часто связывают с символикой числа семь. Как и в нартском эпосе, историко-героическая песня часто объективирует образ усов героя, равных семи колбасам:

(Уэр) и пацIэри (уой дуней) хуэжэрумилбти ... –

(Уар) его усы (уой дуней) подобны семи колбасам ... [НПИНА III-1 1986: 43]. Несомненно, здесь имеется в виду могущество героя песни.

Примечательно, что и атрибуты героя реализуют в тексте художественное возвышение самого героя. Например, образ преломленного копья, который, несомненно, является важнейшим атрибутом древнего и средневекового воина, становится значимым символическим объектом в исторической песне. Использование числовой символики может оказать помощь в обозначении могущества этого атрибута. В этом плане символика числа семь весьма универсальна. В мифологических представлениях адыгов и многих других народов это символ космической целостности и законченности. Существование семи поясов небес и земли и других понятий, связанных с этим числом, которых не перечислить, дает основание, что магическая семерка в различных культурах имеет значение максимума, предела и ограничения [Мифы... I 1980: Мифы... II 1982]. Эти представления подтверждают исследования Ж.В. Богатыревой, О.А. Арутюнян и Ю.И. Голотина. В своей работе они выделяют спектр символических значений числа семь, в частности: значение максимума, предела, полноты, ограничения. [Богатырева... 2019]. Исходя из таких суждений, справедливо полагать, что символика числа семь, вплетенная в образ копья объективирует максимальную, предельную мощь и силу героя, проявленную в борьбе с противником, или же безмерные силы противника, масштабы и серьезность описываемого сражения. Как мы неоднократно отмечали, сознательное возвышение достоинства противника – средство художественного возвышения самого героя. Это своего рода прием для превосходной характеристики качества копья, а значит и его обладателя:

(Ареда, ией) нартыжьхэр здэIэбжиблт (жи),

(аредэц жьыпIэркъэ) бжыкIиблхэри (уей дуней) къызэпрадз (жи) ...

<...> *(Ареда, ией) бжыкIиблхэр къыттрикъутэрт (жи) ... –*

(Ареда, ией) нарты старые в семь голов выстраиваются (жи),

(аредаш жипарка) семь копий (уей дуней) в нас мечут (жи)...

<...> (Ареда, ией) семь древков копий об нас ломает (жи) ... [НПИНА III-1 1986: 45, 46, 47].

(Айра) къумыкъумэ (а) фи дзапэт

(а) бжыкIиблыр (иджы) теткъутэц! <...> –

(Айра) на кумыков (а) отряде переводом

(а) семь копий (иджы) мы поломали! <...> [НПИНА III-1 1986: 207, 208].

Таким образом, анализ числа семь в историко-героическом эпосе показывает, что ее смысловое значение заключается в объективации священности, а значит возвышенности героя. Также символ семерки состоит в усилении значения объекта, что также указывает на могущественную природу героя или глубину трагизма и внутренние переживания.

Итогом проведенного нами исследования можно признать следующее:

– Число является носителем этнической культуры, мировоззрения и менталитета этноса;

– Употребление числа имеет глубокие мифологические истоки, и они имеют отчетливое отражение в фольклоре адыгов;

– Мифологическая основа чисел сохраняется во всех жанрах фольклора, однако в каждом случае ее отражение подчинено специфическим особенностям жанра. В связи с этим, символическое использование числа в разных жанрах может быть своеобразным. В связи с этим, справедливо выделять эпическое значение чисел. Символика чисел здесь содержит функцию усиления достоинств героя с целью его возвышения и выделения из общей массы;

– По частоте употребления в эпических текстах выделяются числа: 7, 3, его производные 6, 9, 12, а также 100, 1000 и 3000;

– Число 7 в эпосе обозначает положительное сакральное значение священности и максимальное значение силы. Число 3, а также производные от нее числа 6, 9 и 12 содержат положительный посыл и используются в эпосе в значении множественности и преувеличения. Это способствует гиперболизации мощи доблестного героя или его противника (во втором случае – с целью указания затрат сил в достижении победы). Также это может быть умножение скорби и трагизма по погибшему воину. Значение множественности содержат и числа 100, 1000, иногда 3000. Они применяются для преувеличения сил героя или его противника. А победа над достойным сильным противником, как известно, усиливает значение победы героя.

Список источников

АПВКВ – Адыгские песни времен кавказской войны. Изд. второе дополненное / под общ. ред. В.Х. Кажарова. Нальчик: Печатный двор, 2014. 656 с.

Богатырева... 2019 – *Богатырева Ж.В., Арутюян О.А., Голотина Ю.И.* К вопросу о символическом значении чисел «семь» и «девять» в произведениях литературы, в искусстве и науке // МНКО. 2019. № 2 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-simvolicheskom-znachenie-chisel-sem-i-devyat-v-proizvedeniyah-literatury-v-iskusstve-i-nauke> (дата обращения: 16.11.2022).

Гутов 2021 – *Гутов А.М.* Поэтика и стиль историко-героического эпоса адыгов. Нальчик: КБИГИ; Принт Центр, 2021. 232 с.

Кудаева 1986 – *Кудаева З.Ж.* Паремнологические жанры адыгского фольклора. Автореферат диссертации кандидата филологических наук / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М., 1986. 21 с.

Мифы...I 1980 – *Мифы народов мира.* Энциклопедия: в двух томах. Т. 1 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 671 с.

Мифы...II 1982 – *Мифы народов мира.* Энциклопедия: в двух томах. Т. 2 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1982. 719 с.

Мурад 2015 – *Мурад Г.А.* Символика чисел в адыгском языке // Вестник АГУ. Вып. 1 (152), 2015. С. 66–70.

Нартхэр 1995 – *Нартхэр. Къэбэрдей эпос.* Налшык: Эль-Фа, 1995. 560 н.

Нарты 2007 – *Нарты. Кабардинский эпос.* Нальчик: Эль-Фа, 2007. 528 с.

Нарты 2012 – *Нарты. Адыгский эпос. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко* / под общ. ред. А.М. Гутова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 423 с.

НПИНА III-1 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 1. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с.

НПИНА III-2 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 2. М.: Сов. композитор, 1990. 485 с.

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.

Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.

ФАИГИКБНЦРАН – *Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.*

Хежева 2017 – *Хежева М.Р.* Семантика и символика чисел в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 136 с.

References

Adygskie pesni vremen kavkazskoj vojny [Adyghe songs of the times of the Caucasian war]. Ed. second augmented. Under total. ed. V.Kh. Kazharova. Nalchik: Printing House, 2014. 656 p.

BOGATYREVA Zh.V., ARUTYUNYAN O.A., GOIOTINA Yu.I. *Kvoprosu o simvolicheskom znachenii chisel «sem» i «devyat» v proizvedeniykh literatury, v iskusstve i nauke.* [On the question of the symbolic meaning of the numbers “seven” and “nine” in works of literature, in art and science] In: MNKO. 2019. No. 2 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-simvolicheskom-znachenie-chisel-sem-i-devyat-v-proizvedeniyah-literatury-v-iskusstve-i-nauke> (date of access: 16.11.2022).

GUTOV A.M. *Poetika I stil' istoriko-geroicheskogo eposa adygov.* [Poetics and style of the historical and heroic epic of the Circassians]. Nalchik: KBIGI-Print Center, 2021. 232 p.

KUDAEVA Z. Zh. *Paremiologicheskie zhanry adygsckogo fol'klora. Avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskikh nauk* [Paremiological genres of the Adyghe folklore. Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences]. Institute of World Literature named after A.M. Gorky RAS. M., 1986. 21 p.

Mify narodov mira. Enciklopediya: v dvuh tomah [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in two volumes]. Ch. ed. S.A. Tokarev. M.: Sov. encyclopedia, 1980. T. 1. 671 p.; T. 2: 1982. 719 p.

MURUD G.A. *Simvolika chisel v adygsckom yazyke* [Symbolism of numbers in the Adyghe language] In: Bulletin of the ASU. Issue 1 (152), 2015. Pp. 66–70.

Narty. Kabardinskiy epos [Narts. Kabardian epic]. Nalchik: El-Fa, 1995. 560 p.

Narty. Kabardinskiy epos [Narts. Kabardian epic]. Nalchik: El-Fa, 2007. 528 p.

Narty. Adygsckiy epos. T. I. Ranniye tsikly eposa. Sosruko [Narts. Adyg epic. Vol. 1. Early cycles of the epic. Sosruko] / edited by A.M. Gutov. Nalchik: LLC «Tetragraf», 2012. 424 p. (In Adyghe and in Russian).

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. 3. Ch. 1. M.: Soviet composer, 1986. 264 p. (In Russian).

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. 3. Ch. 2. Moscow: Soviet composer, 1990. 485 p. (In Russian).

PROPP V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [The historical roots of the fairy tale]. L.: Publishing house of Leningrad State University, 1986. 365 p.

ТОПОРОВ В.Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Selected works*. М.: Publishing group “Progress” – “Culture”, 1995. 624 p.

ФАИГИКБНЦРАН – *Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук* [Phonoarchive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].

KHEZEVA M.R. *Semantika i simvolika chisel v kabardino-cherkessckom yazyke* [Semantics and symbolism of numbers in the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Publishing Department of the IGI KBNTs RAS, 2017. 136 p.

Информация об авторе

Л.С. Хагожеева – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.S. Khagozheeva – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 11.12.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 11.12.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.